

Мастера бурятского искусства

ОБАЯНИЕ ТАЛАНТА

Сегодня, когда уже несколько лет отделяют нас от последних оперных спектаклей и концертов народного артиста СССР, лауреата Государственных премий РСФСР и Бурятской АССР Лхасарана Лодоновича Линховойна, все яснее становится весомость вклада, который внес замечательный бурятский певец в национальную культуру нашей республики. Исключительная природная одаренность, редкий артистизм, всеобъемлющее мастерство, обретенное за годы непрерывного творческого труда, позволили ему достичь вершин оперного искусства, стать одним из крупнейших оперных певцов нашей страны. Могучий и красивый бас, виртуозная техника вокализации, совершенство мимики, законченная пластика сценического рисунка делали оперные образы, созданные Л. Линховойном, реалистически достоверными и покоряюще убедительными.

Как никто другой широко Л. Линховойн познакомил с бурятским музыкальным искусством слушателей почти во всех краях нашей страны и более чем в трех десятках зарубежных стран Европы, Азии и Африки. И всюду единым душой был восторг как знатоков, так и рядовых любителей музыки.

Л. Линховойн был не просто певцом, который хорошо играл на сцене, и не просто актером, который хорошо пел. Он был именно оперным артистом, о чем хорошо сказал один из рецензентов: «В Лхасаране Линховойне соединились таланты большого оперного певца и драматического актера. Вот почему, говоря о его работах, трудно отделить вокал от сценического воплощения образа. Это — нерасторжимое единство, которое чаще является лишь недостижимым идеалом даже для одаренных оперных певцов».

Перечисления всех оперных партий, спетых Л. Линховойном, заняло бы слишком много места. В его репертуаре была классика — русская и зарубежная, советская опера, в том числе, конечно, и произведения композиторов нашей республики. Почти все ведущие партии басов — Борис Годунов и Иван Сусанин, Мефистофель и король Рене, Лепорелло и Дон Базиллио, Мельник и Олоферн, Андрей Соколов и Мендоза — целая галерея ярких образов, оставшихся в памяти слушателей. Самые различные по характеру роли легко удавались певцу — таким был его дар перевоплощения.

Как признано, высшим достижением бурятского певца на оперной сцене стали три роли, за исполнение которых Л. Линховойн в 1979 году был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Глинки: это партии Кончака, Бумал-хана и Ивана Хованского. В них с особенной силой раскрылось оперное дарование певца — способность создать вокально-сценический образ, покоряющая логичность развертывания партии, редкое искусство «жизни на сцене».

О Линховойне-Кончаке написано очень много — десятки рецензий в центральной и республиканской печати. И если суммировать мнение рецензентов, то нельзя не прийти к выводу, что Л. Линховойн был выдающимся интерпретатором этой сложной роли, а может быть, и непревзойденным.

Его трактовка была новаторской, Кончак Л. Линховойна не был похож на образы, созданные известными певцами,

выступавшими в этой роли. Л. Линховойн ошеломлял своим темпераментом, броской колоритностью, неистовым богатством оттенков своеобразной, окрашенной в «восточные тона» музыкальной речи своего персонажа. Уникальной по убедительности была и динамика роли от элементов «восточной созерцательности» к взрыву почти первобытной ярости.

Сам певец очень любил эту роль и не раз рассказывал об истоках ее оригинальной трактовки: «Раскрыть образ Кончака мне прежде всего помогла музыка Бородина, затем рассказы певца Гуальтера Антоновича Боссе, одного из моих ленинградских наставников, который в свое время пел Кончака в одной постановке с Шаляпиным, и мои собственные жизненные впечатления. Мне приходилось встречать в степи бурят, лихих наездников, похожих по темпераменту и осанке на Кончака. Понимаю, что он был половцем, но, когда я делаю образ, несущий в себе бурятские черты, мне он понятнее. Ведь я сам родился в юрте и вырос в привольной зеленой степи...».

«Коронной» ролью Л. Линховойна стала и роль Бумал-хана в первой бурятской национальной опере «Энхэ-Булат батор» Фролова. Не так уж редок в спектаклях многих национальных театров культур народов СССР образ хана-деспота, символизирующий мир далекого прошлого. Отсюда и известная инерция трактовки — обычно это традиционный «оперный злодей». Но Л. Линховойн с самого начала умел преодолевать груз традиционности — его «антигерой» был многогранной личностью с богатой «гаммой» психологических состояний (особенно помнит знаменитая сцена исчезновения ханского меча).

Еще одна творческая вершина — образ старого князя Хованского. Л. Линховойн давал слушателю-зрителю ощущение как бы дыхания «кровожадного века» русской истории — междоусобной борьбы за власть. Варварская жестокость, вероломство, наивная самовлюбленность «стрелецкого бати» — все, о чем говорит гениальная музыка Мусоргского, было передано певцом с реалистической глубиной и с безукоризненной точностью.

Все средства оперной выразительности он подчинял задаче образности, властно увлекая за собой слушателя, вел к яркому сопереживанию. Вспоминаются слова рецензента «Советской культуры» после одного из московских выступлений Л. Линховойна: «Наибольшей мощи и красоты голос бурятского певца достигает в оперных произведениях, где глубоко раскрываются редчайшие возможности великого певца и не менее великолепного артиста».

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с утверждением, что Л. Линховойн был непревзойденным исполнителем бурятской национальной вокальной музыки. Эта сторона его дарования и мастерства опиралась на прочный фундамент — превосходное знание с ранних детских лет бурятской народной песни. «Петь я начал, — вспоминал как-то певец, — едва ли не раньше, чем говорить». До прихода в профессиональное искусство Л. Линховойн в дружеском кругу постоянно пел народные песни, и именно блестящее исполнение народного напе-

ва в самодеятельном концерте побудило специалистов по вокалу в свое время обратиться на него внимание. И до конца дней Л. Линховойн не расставался с народной песней, справедливо считая ее «ключом к национальному репертуару».

Высокое искусство Л. Линховойна, безусловно, оказывало влияние на творчество бурятских композиторов. Специально для него, в расчете на его вокальные и сценические возможности сочинялись партии в ряде национальных опер — партии Булган-Табиты в «Побратимах» Д. Аюшеева и Б. Майзеля, Моргона в опере «У истока родника», Шарэтэ-ламы в музыкальной комедии «Будамшу», Василия в «Цыремпице Ранжурове», Шоно в опере «Грозные годы» (все четыре произведения принадлежат перу Б. Ямпилова). Голос Л. Линховойна «слышал» Б. Ямпил, когда создавал одно из ярчайших произведений бурятской музыки — ораторию «Гудящие сосны». И еще немало кантат, романсов и песен были вдохновлены Л. Линховойном.

За три десятилетия активной концертной деятельности Л. Линховойн исполнил множество массовых песен композиторов нашей республики, а особенно полубившиеся ему постоянно в душу свои программы. И здесь тоже немало исполнительских шедевров. С энергией и волевой устремленностью звучали у Л. Линховойна маршевые и патристические песни Д. Аюшеева, Ж. Батуева, Б. Ямпилова.

Незабываема лирически проникновенная трактовка песен-романсов Б. Балдакова «Помнишь ли?» и «К любимой». Сочный линховойнский юмор восхищал слушателей в шуточной песне Ч. Павлова «За Селенгой». Лирическая тонкость отличала исполнение песен Б. Цырендашиева «Грусть», «Осень», «Песня девушки».

А вообще концертные программы Л. Линховойна были исключительно насыщенными и разнообразными (недаром эти программы принесли певцу Государственную премию Бурятской АССР за 1970—72 годы). В них были представлены произведения самых различных жанров и форм, самых различных эпох, стилей и авторов.

Эстрадной манере певца была присуща «камерность», дополняемая лишь легким элементом театрализации. Он умел скромными средствами достичь большого воздействия на слушателя. Ставка на проникновенность каждого мелодического оборота всегда рождала прочный эмоциональный контакт между певцом и слушателем.

Почти половину концертных программ Л. Линховойна занимала русская и зарубежная камерная классика. Он пел и известнейшие шедевры Чайковского, и редко исполняемые его вокальные миниатюры, с большой силой убедительности развертывая мелодическую линию романса, гибко переходя от кантатных к вокальной декламации.

С великолепным чувством стили пел Л. Линховойн романсы Даргомыжского, Мусоргского, Бородина. Незабываема его интерпретация знаменитой «Персидской песни» Рубинштейна — это был гимн жизни и свету.

Над трагическим вокальным монологом Шуберта «Двойник» Л. Линховойн работал долгое время, углубляя психологическую сторону и создав в итоге образ, близкий по

масштабности к оперному, несмотря на лаконичность музыкального материала. В частоте исполнявшихся им двух застольных песен — «Шотландской» и «Ирландской» — певец достигал впечатляющего «контрапункта» между внешней динамичностью и скрытой печалью о быстротечности жизни...

Не ограничиваясь классикой, Л. Линховойн великолепно пел песни советских композиторов. Невозможно забыть тот пафос, тот накал патристических чувств, с каким звучали у него «Бухенвальдский набат» Мурадели, «Журавли» Френкеля, «Я люблю тебя, жизнь» Колмановского. А еще были русские народные песни — еще один из его исполнительских шедевров — песня «Эй, ухнем!», исполняемая с подлинно богатырским размахом.

Но память о себе Лхасаран Лодонович оставил не только своим замечательным пением. Будучи по природе и по жизненным устремлениям прежде всего оперным певцом, Л. Линховойн вместе с тем был богато одарен и во многих других творческих сферах — он был одним из руководителей театра, выступал как режиссер (очень памятна, например, поставленная с его участием опера Мусоргского «Хованщина»), был литературно одаренным человеком: писал либретто — оперные («Прозрение») и балетные («Во имя любви»), ему принадлежит пьеса «Гражданин России» (о декабристе Н. Бестужева). Талантливый педагог, он воспитывал многих учеников, среди которых ведущий солист театра народный артист СССР К. Базарсадаев.

Лхасаран Лодонович был обладателем не только редкого таланта, но и широкой души (впрочем, наверное, это две стороны одного понятия — большой человек). Он всегда, несмотря на свою занятость (театр, депутатские дела, ВТО, музыкальное училище, институт культуры, художественные советы и комиссии), находил время, чтобы помочь своим младшим товарищам по искусству. Об этом рассказывает заслуженный артист Бурятской АССР Г. Багадаев: «Не раз бывало — встретит тебя Лхасаран Лодонович в театре на другой день после спектакля, где ты пел, дружески возьмет за руку и поведет к себе. Тепло похвалит за то, что удалось, подробно объяснит, в чем ошибка, если что-то было не так, как надо. Конечно, после этого работаешь над партией с двойной энергией, и все получается. Поддержал меня Лхасаран Лодонович и в трудное для меня время, когда после перерыва в пении, связанного со службой в армии, у меня начались неполадки с голосом. Удивительно сердечный он был человек». И думается, что эти слова могут повторить все, кому приходилось общаться с замечательным певцом.

И сегодня, когда Бурятский театр оперы и балета с гордостью носит высокое звание академического, когда он стал признанным музыкальным центром не только нашей республики, но и всего огромного восточного региона страны, нельзя не вспомнить добрым словом одного из основателей театра — народного артиста СССР Лхасарана Лодоновича Линховойна, замечательное творчество которого долгие годы было вдохновляющим примером для всего коллектива. Наверно, золотыми буквами вписано имя Линховойна в историю отечественного музыкального искусства.

О. КУНИЦЫН,
кандидат искусствоведения,
заслуженный деятель искусств Бурятской АССР.